УДК 130.2

МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ЭПОХА: ПОКОЛЕНИЕ ВЫБОРА

Павлов Александр Валентинович,
Тюменский государственный университет,
Институт филологии и журналистики,
кафедра философии,
доктор философских наук, профессор,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: av-pavlov@mail.ru

Аннотация
Проблема статьи – диагностика современного состояния России. Предмет – межцивилизационная эпоха. Метод – полифокальная социология современности. Результат – оценка перспектив цивилизационного выбора.

Ключевые понятия:
цивилизация,
межцивилизационная эпоха,
поколение,
первичная и вторичная легитимность,
делегитимация.

1.

Сначала коротко о самом концепте межцивилизационной эпохи[1].

После статьи С. Хантингтона о столкновении цивилизаций [3], стало ясно, что само по себе такое столкновение малосущественно. Однако оно приобретает гораздо большее значение, если сосредоточить внимание на том обстоятельстве, что в нем у обеих цивилизаций меняются культурные коды, и начинается их переход в *межцивилизационное состояние,* когда каждая из них, по сути, рассыпается на множество отдельных субъектов и реорганизуется. А в дальнейшем их развитие зависит больше от воли этих субъектов, чем от внешних по отношению к ним исторических или географических факторов.

В этот момент история раскрывает свой сочиненный характер и теряет легитимность в глазах людей, а на передний план выходит их современность. На этом основании Е.Н. Яркова, например, считает, что культурой межцивилизационной эпохи является постмодерн. Прежде всего, замечу, что это – *меж*-цивилизационная эпоха, и она никак не может быть «определенным историческим периодом в рамках развития одной и той же цивилизации» [6, с. 1496] (точка зрения, которую Е.Н. Яркова почему-то мне приписывает).

Если говорить о постмодерне, то в России это скорее 1970–80 гг., поздний СССР, полный уже тотальным неверием в идеалы коммунизма (делегитимацией, по Ж-Ф. Лиотару) и формальной игрой, основанной на перформативных (декларативных) и прескриптивных высказываниях. Основные коды модернистской культуры в состоянии постмодерна сохраняются [1, с. 283, 284], они, конечно, в силу своей делегитимации работают плохо, но цивилизация на этой фазе еще существует – просто по инерции. Исторические метанарративы вдруг осознаются, становятся видны и, как следствие, подвергаются сомнению, но никому не приходит в голову их менять.

Межцивилизационная же эпоха – слом культурных кодов, цивилизации здесь нет, есть частная цивилизованность или отсутствие оной, есть воспоминания, сожаления, мечты, иногда – воля, однако у каждого – своя. Отсюда, из взаимного противоборства частных субъектов, проистекает и безудержная лихость таких эпох, но отсюда и их оптимизм. В отличие от веселого межвременья, где господствует надежда, постмодернистское со-

[1] См., напр., мои статьи: Цивилизация и межцивилизационная эпоха // Вестник Пермского университета. Сер. Философия. Психология. Социология. 2012. № 3. С. 17–26. Российский сюжет. Ч. 1. // Социум и власть. 2004. № 4. С. 87–96. Российский сюжет. Ч.2. // Социум и власть. 2005. №1. С. 86–91. Полифокальная социология современности. // Социум и власть. 2013. № 4. С. 5–13.

стояние наполнено чувством безнадежности, бесперспективности, исторического тупика. Легитимация, необходимая для того, чтобы цивилизация опять восстановилась, осуществляется каждым человеком этой эпохи не на основе исторических метанарративов, а на основе взаимного убеждения и уговаривания партнеров, в дискурсе, и подчиняется логике дискурса, провокационной по существу. *Это эпоха неизбежной экзистенциальной революции, т.е. кардинального изменения типа мировоззрения и смысловых ориентиров,* которую отличают социокультурный хаос, цивилизационный выбор и формирование из хаоса новых культурных кодов и цивилизационных норм, или окончательный распад.

Легитимирующие идеи, возникающие в диалоге по мере взаимного убеждения, со временем уходят в прошлое, отношение к ним со стороны новых поколений лишается скептицизма и критичности; они становятся привычными и превращаются в новый исторический метанарратив, морально обосновывающий текущую упорядоченность современности.

2.

Цивилизация – это, на мой взгляд, привычный порядок общественной жизни, закрепленный сложившимися на его основе институтами. Ее источник – убежденность людей в необходимости определенного порядка, обусловленная легитимностью как исторических метарассказов, так и современных дискурсов, и легитимирующая в свою очередь коммуникации и институты. Этот порядок субъективен: что считается порядком, то им и является.

В основе цивилизации находится массовое субъективное действие, трансформирующее социальный хаос в порядок уже потому, что альтернативой ему является самоуничтожение. *Процесс формирования цивилизаций, хотя и происходит на исторической основе, но осуществляется в современности* и подчиняется воле действительных субъектов, а не исторической детерминации. Историческая обусловленность уже со времен постмодерна нелегитимна, в нее попросту никто не верит. Она воспринимается как свалка сомнительных фактов, и подобна грубым камням разбитого фундамента, из которых, тем не менее, можно сложить новый фундамент, переосмыслив факты прошлого.

А современность – это прежде всего живая и конкретная субъективность индивидов: ситуации, в которых они оказываются; проблемы, которые они создают друг для друга; их экзистенциальный полилог и коммуникации, оценочная координатная сеть, возникающая в сознании каждого индивида; ценности, созданные на основе разноречивых оценок; институция, и затем социокультурная субъективность, образующаяся в результате коммуникаций и полилога и объединяющая все многообразие индивидов на ограниченной площадке[2].

Субъективное действие обусловлено объективными природно-географическими, историческими и культурными предпосылками, нацелено на практическое преобразование этих предпосылок, и оно объективирует в общественном порядке какую-либо идею упорядочения общественной жизни. Однако предпосылки не предопределяют порядок, они оставляют простор для субъективного выбора и маневра. Они только горизонты, границы площадки, на которой именно субъекты воплощают то, относительно чего между ними достигнут компромисс. А массово распространенная идея порядка с детства закладывается в головы новых поколений образованием, воспитанием, пропагандой, искусством, наукой, религией, философией и прочими средствами общественной рациональности, оформляющими индивидуальный разум людей.

В отличие от истории, современность вполне лояльна к сослагательному наклонению, так как выбор одной идеи означает отказ от выбора всех остальных, к которым порою можно вернуться и повторно проанализировать, что было бы, если бы выбрали их, не допущена ли в ходе выбора ошибка и не стоит ли переиграть выбор, пока он не стал основанием цивилизации.

Правомерны вопросы «Что было бы, если бы Александр II не был убит и успел довести свои реформы до конца», «Если бы Столыпин остался жив», «Если бы советская НЭП не была задавлена в считаные годы», «Если бы М.С. Горбачев завершил реформу СССР», «Если бы Ельцин выбрал «преемником» Немцова» и т.д. Дело в том, что каждый такой выбор означает направление преобразований и дает время, в течение которого к выбору еще возможно вернуться, еще не окрепли нормы, составляющие цивилизационный законы будущей культуры. Суть не в тех датах, когда, например, царствовал Александр II, и не в том, как жил он, чиновники, дворянство и

[2] См., напр., мою статью «Современность и критика» // Социум и власть. 2013. № 6. С. 128–135.

крестьяне, а именно в комплексе реформ, какие он проводил и которые были предложены М.Т. Лорис-Меликовым. А Лорис-Меликов пересмотрел исторический выбор, сделанный для России Николаем I, и вернулся к реформам более чем полувековой давности, предложенным еще М.М. Сперанским.

И в силу субъективного характера цивилизации, межцивилизационная эпоха тоже субъективна, как говорится, «разруха – в головах, а не на улицах». Для ее теоретического представления необходим личный опыт ее переживания, который можно отрефлексировать и превратить как в жизненные принципы, так и в теоретические постулаты, и в политические цели. Таких постулатов три, и мне уже приходилось о них писать на страницах этого журнала[3]:

1. *Я – субъекты,* упрощенно – индивиды, осуществляющие выбор и действующие в соответствии с ним.

2. *Площадка* – ограниченное и ясно очерченное локальное пространство, в котором располагаются и действуют Я-субъекты: государственные границы, границы культурного региона, корпорации или группы, религиозные, юридические и моральные границы, географические препятствия для переселения, распределение природных ресурсов, в целом ограниченные размеры земного шара и т.д. То есть это границы и географические, и культурографические, и исторические. Многослойность границ площадки коррелирует с вариантами осуществленного на ней выбора.

3. *Навязанные коммуникации* – взаимная обусловленность и экспектации, адресованные Я-субъектами, живущими на одной площадке, друг другу.

3.

В обществе всегда существуют две неравночисленные и неравнозначные группы людей. Одни стремятся активно менять окружающие условия, преобразуя их «под себя», подгоняя под свои взгляды, вкусы и привычки, это – субъекты своей и общественной жизни, и их меньшинство. Другие – большинство – предпочитают пассивно принимать правила, навязываемые субъектами, и становятся объектами их деятельности. Это, конечно, абстракции, в действительности каждый человек в чем-то субъект, а в чем-то объект. Однако онтологически обе группы различаются смысложизненной акцентуацией, каждая из них предпочитает свою позицию. Проявляется акцентуация в конкретных эмпирических фактах: доверие к прочитанным газетам, прослушанным выступлениям, просмотренным телепередачам, к проводимым реформам, в целом к власти или оппозиции, надежда на них, ожидание повышения пенсий, зарплат, улучшения условий жизнеобеспечения и т.д. Или скептицизм, сомнение в том, что чужие решения способны облегчить жизнь, желание самому взять на себя ответственность за свою судьбу.

Во времена СССР взгляды на порядок обозначались понятием не цивилизации, а формации, которая понималась как исторически обусловленная программа действий по строительству общественного организма. Эта программа принималась и утверждалась тогдашним руководством страны, а затем воплощалась в жизнь. Но поначалу она коррелировала с ужасающей досоветской безграмотностью населения, с его бюрократической и крепостной ментальностью и с его ожиданиями нового, но доброго царя. И она обеспечила второе пришествие самодержавия в лице «красного царя» И.В. Сталина, но одновременно всеобщее образование, постепенное установление 8-часового рабочего дня, с выходными и отпусками, относительное равенство зарплат, осуществленные средствами тогдашней бюрократической вертикали, и т.д., то есть в целом оправдала ожидания пассивного большинства. А что до репрессий и геноцида, то они проводились незаметно, рабочих в основном не касались, проскальзывали на периферии сознания, а в самый тяжелый период 1937–52 гг. обосновывались классовой борьбой с «врагами», подготовкой к войне и преодолением ее последствий.

Программа целенаправленного социального строительства обусловила искусственный характер социальной системы в тех областях общественной жизни, что рефлексировались советским обществознанием. Причем обусловленность была субъективно телеологической, а не объективной. А за пределами внимания программы находился огромный ойкуменальный пласт, практически недоступный для контроля и регулирования и обозначенный как «теневая экономика». Там господствовали примитивные капиталистические отношения, бартер по типу «я – тебе, ты – мне», коррупция и «блат». Соотношение теневой и государственной экономик было таким, что без теневой и плановое хозяйство

[3] См., напр., мою статью «Полифокальная социология современности» // Социум и власть. 2013. № 4. С. 5–13.

не могло функционировать. Но эта раздвоенность экономики повлекла за собой раздвоенность политики, конфликт морали и права, цинизм как своеобразный нравственный принцип и внутреннюю разорванность всего социального организма страны, приведших в конце концов к параличу власти и крушению советской системы.

В западном же мире возобладала точка зрения, в которой общественный порядок обусловливался не столько материальными, сколько, в первую очередь, духовно-субъективными причинами. Здесь на передний план выходила современность, а не историческая предзаданность, индивидуальность, а не коллектив. Программы общественного развития не было, ее заменяла «миссия» как общее направление, и общество функционировало как естественно сложившаяся, а не искусственная система.

Рассмотреть перспективу становления цивилизации в нынешней России, значит, отыскать способ совмещения равно унаследованных ею советского и западного представлений. Этот способ позволяет синтезировать предпосылки и найти «зародыш субъективности», из которого в будущем возможно развитие новой Российской цивилизации.

Если цивилизация – привычный порядок общественной жизни, то она – нормативный базис культуры. Нормы инвариантны для всех явлений каждого отдельного культурного организма и выполняют функции законов культуры. Цивилизация, – это форма социальной культуры, придающая ей определенность, связность и устойчивость. Феноменологически же она является единством легитимных ценностей, норм и институтов, воспроизводящих друг друга как целостную и довольнотаки инертную систему.

Межцивилизационная эпоха – это полная делегитимация всех норм общественной жизни, превращение порядка в социальный хаос, на поверхности которого еще может плавать пена нелегитимных и формальных правил, обрядов и ритуалов, выдающих себя за традиции, но ставших или изначально задуманных как симулякры. Так бывает в весеннее половодье, когда освободившаяся река несет на себе отдельные льдины, но уже не скована льдом.

4.

Такая эпоха проходит три стадии, связанные с ее носителями: сменяющими друг друга поколениями, каждому из которых демографией отводится 25–30 лет. Первое поколение можно назвать «*поколением отцов*», и оно вступает в эту эпоху уже во взрослом состоянии. «Отцы» становятся крупными и мелкими лидерами, увлекающими толпу, и начинают межвременье тем, что окончательно перестают соблюдать нормы устаревшей и утратившей легитимность цивилизации. В СССР они отчасти обусловливают стиль советского постмодерна. Можно предполагать, что с того момента, как в СССР легитимная экономика стала уравновешиваться теневой, начинается цивилизационный поворот. Он даже был констатирован закрытым Пленумом ЦК КПСС – тогдашней власти – в ноябре 1979 г.

Лидеры затевают реформы цивилизационных институтов, в то время как все остальные либо продолжают соблюдать устаревшие правила, либо поддерживают лидеров в их реформаторской деятельности. Говоря на языке советского марксизма, они конституируются как «квазикласс», своего рода классовый зародыш, старающийся выжить и перехитрить другой квазикласс – господствующую «номенклатуру»[4]. Так зарождаются тенденции, за которыми начинается уже классообразование и противостояние вплоть до антагонизмов.

Квазиклассы появляются на постмодернистской стадии предшествующей цивилизации, как в СССР в 70–80 гг. появилась теневая экономика, теневая политика, теневая мораль, и каждый человек, каждое предприятие вынуждены были функционировать в полях обеих – теневой и легитимной – структур. Поколение «отцов» на первом этапе межцивилизационной эпохи меняет эти структуры местами: то, что было теневым, становится легитимным, то, что было легитимным – оказывается теневым.

В целом поколение «отцов» освобождается от прошлого политически и экономически, но не морально, на них сказывается тот факт, что их взросление и становление как личностей пришлось на циничные времена предыдущего постмодерна. Но срок поколения «отцов» – то самое время, когда они дают импульс всем областям общественной жизни. А потом их сменяет второе поколение – «дети». У нас это те, кто родился в 80–90 гг., и вырос либо не помня и не зная эпохи СССР, либо зная о ней только по безответственным экранизациям и книгам.

«Поколение детей» морально делегитимирует цивилизацию, они – носители экзистенциальной революции. Это и «мажоры» –

[4] По М. Восленскому.

дети богатых родителей, и «эффективные» (на наш манер) менеджеры, и «бизнес-инструкторы», и поп-артисты, журналисты, «офисный планктон», и т.д., но их «порядок» – правила игры как таковой, и относятся они к нему именно как к игре. Они могут прийти на предприятие и устроить там «психологический тренинг» для опытных работников кадровых отделов с многолетним стажем, обучая их, как «правильно» управлять кадрами. Могут явиться в университет или академический институт и выступить там со словами: «Забудьте всё, что вы раньше знали, и начните с чистого листа», этим предлагая кандидатам, докторам и академикам забыть содержание своих работ по физике, истории или экономике. Их стиль – гламур, мышление же – поверхностно и дискурсивно. Они утилитарны, однако не по-западному, где утилитаризм, по сути, синоним практицизма, а в эгоистически-корыстном смысле.

Однако именно они смывают все остатки морали былой цивилизации и утверждают на ее месте цинизм и нигилизм, причем даже не ницшеанский, а в духе Минаевского «Евгения Онегина нашего времени», написанного в аналогичные времена 60-х гг. XIX века. Они завершают начатую «отцами» деконструкцию предыдущей социальной системы, и на месте страны появляется наполненная хаосом и абсурдом строительная площадка. И начинается выбор нового пути, еще допускающий наряду с реальными фантастические варианты – вроде образования методом чипизации и подчинения человеческого сознания искусственному интеллекту[5].

А за ними уже идет *«поколение внуков и правнуков»*, появившихся на свет в хаосе и бессмыслице этой площадки. Во времена «внуков» экзистенциальный диалог обостряется и становится особенно интенсивным, поскольку идет уже не во имя обогащения, как у «отцов», и не во имя игры, как у «детей», а во имя *выживания*. Их деятельность легитимируется не исторически, а взаимным убеждением, диалогом, они уже не зависят ни от истории, ни от соседей, и хотя заимствуют оттуда то, что считают пригодным для себя, но живут без веры в их безусловную правоту и относятся к ним вполне осознанно и скептически.

Экзистенциальный диалог – это непрерывные взаимные провокации, он наполнен конфликтами и поиском точек совпадения, стремлением к взаимопониманию. «Внуки» начинают «стадию переговоров», где каждое сближение позиций приобретает для участников значение «норм» и «принципов» хотя бы на время, но, может быть, и навсегда. Их временные нормы оказываются аттракторами грядущего, успокаивающими хаос межвременья. В их диалоге складывается та нормативная основа, на которой уже может возникнуть новый цивилизационный «скелет» и нарасти ткань культуры. «Внуки» – продукт декультурации «детей», они не склонны учиться по книгам, они учатся на примерах и заимствуют наиболее удачные, с их точки зрения, образцы, взятые хотя бы и со стороны, однако видоизмененные и наполненные собственными проблемами и решениями.

«Со стороны» – это значит, или у успешных, по их мнению, соседей, или глядя на предыдущую цивилизацию, которая для «внуков» уже не формирующая их среда, а осознанное и рациональное представление. И то и другое они идеализируют, абстрагируясь от всего негативного, абсолютизируя только положительные черты, и превращают в утопии. А уже утопии рассматриваются ими как обоснованные и легитимные цели и воплощаются в осмысленных поступках.

Именно перед «внуками» и «правнуками» проблема выбора дальнейшего пути ставится со всей остротой, фантастические варианты ими отвергаются. В расчет берется только реальная альтернатива: целенаправленно возвращаться к прошлому или повторять порядок успешных соседей. Ни то, ни другое, конечно, невозможно, слишком мешают конкретные обстоятельства их жизни, каких не было ни в прошлом, ни у соседей, и, в частности, мешает противоборство сторонников разных вариантов. И порядок получается таким, какой устраивает все стороны, но полностью не нравится никому, он обнаруживается в точках совпадения взглядов, он становится абстракцией и формальным правом.

Так, древнерусские великие князья, только еще освобождающиеся от орды, не имея университетов и учебников, но понимая, что какой-то порядок должен быть, берут за образец единственное, что им известно – организацию орды, куда они ездили за ярлыками на княжение. И воспроизводят у себя орду, позднее рефлексируя ее и превращая в самодержавие. Европейские и византийские нормы от них далеко, с этим они встречаются лишь эпизодически, а орда – это повседневность, и князья становятся ханами, но по-русски.

Так и «поколение внуков» может ориентироваться только на удачные образцы западных стран и непосредственно предшес-

[5] См., напр.: http://map.edu2035.org/futuremap?force

твующего межцивилизационной эпохе Советского Союза. СССР и его систему ценностей восстановить нельзя, и поэтому на деле у них получится что-то новое, Советский Союз, но с частной собственностью и рыночной экономикой и, может быть, с демократией. И если в аналогичных условиях у англичан получилась конституционная монархия со слабеющей властью королей, то у «поколения внуков» получится нечто, опять доселе невиданное: «конституционная президентская республика» со слабеющей властью президентов. Говорю – «невиданное», потому что, казалось бы, президентская республика априорно конституционная государственная форма, но как быть с тем, что у «внуков» она станет наследницей советского самодержавного строя с абсолютной властью Генеральных секретарей ЦК КПСС и Политбюро, а та сама была наследницей царского самодержавия, которое выступило реинкарнацией орды! «Внукам» придется в Основном Законе оговаривать ослабление президентской власти и усиление парламентской.

Вероятно, так и будет при условии, что, проходя через второй этап межцивилизационной эпохи, через «поколение детей», страна вообще уцелеет как некое политически единое пространство.

5.

Субъективность онтологии современности ставит и цивилизацию, и межцивилизационную эпоху в зависимость от ментальных и экзистенциальных состояний субъектов, переживающих деконструкцию прошлого. Дело в том, что та сила межчеловеческого понимания и взаимного доверия, какая характеризует цивилизационную стабильность, разрушается вместе с разрывом экономических, политических и социальных связей индивидов друг с другом, с переоценкой ими своего места и роли в общественной жизни, с резко ускоренной и произвольной горизонтальной и вертикальной мобильностью, с отсутствием или непонятностью новых правил жизни, описанными еще Э. Дюркгеймом [2], Р. Мертоном [4], а в какой-то мере и Э. Тоффлером [5].

Наша криминальная среда нашла очень удачный аналог термину Дюркгейма «аномия», углядев в общественной жизни господство «беспредела», то есть, отсутствие пределов, задававшихся старыми нормами, «безнормицу». Этот термин оказался настолько значим, что в считаные недели распространился и стал словом обыденной речи, он вполне может претендовать на статус категории той философии, какая изучает подобные времена.

Беспредел – это значит отсутствие межчеловеческого взаимопонимания, разрушение формальных коммуникаций и утрату привычных смысловых ориентиров. Он означает и страх нового мира, и восторг от освобождения от навязанных и нелегитимных старых норм как права, так и морали. Это распространение своеобразной этики «цинизма», начавшееся еще в 70-е гг., но теперь почти тотальной. Это и взаимное недоверие, подозрительность, разрушение дружеских связей, распад семей, конфликт поколений, понимание своей абсолютной экзистенциальной свободы, буквально, по Ж.-П. Сартру, свободы как пустоты, то есть, как отсутствия оправданий и ориентиров, но при этом и понимание необходимости личного выбора нового жизненного пути и личной активности.

То есть беспредел – это человеческое одиночество в новой неопределенной реальности, какое нередко называют «атомизацией». Но предпочтительней представляется термин *«персонификация»*, как потому, что Я-субъект не превращается в атом общественной жизни, он всегда им был, а сейчас только *осознал* свой статус, так и потому, что персонификация, в отличие от атомизации, может быть распространена на любого субъекта, не только на человека. А субъективностью, как и объективностью, может обладать и человеческий индивид, и любой социум, и его ментальность, и его институциональная сфера.

И это важно, так как если, например, в Западном мире в силу исторических условий за две тысячи лет утвердился приоритет именно человеческого индивида над всеми остальными субъектами, то в России на первом месте находится социум с институтами, а человек изначально поставлен в подчиненное положение. А следовательно, персонифицируются именно социум и институты. Для социума персонификация, конечно, означает его разложение на индивидов и относительно устойчивые мелкие группы, а вот для институтов она означает взаимное недоверие властей, центра и регионов, отсутствие координации в действиях учреждений, недоверие к собственным формам и целям образования, а главное, усиление роли однонаправленной бюрократической вертикали и ее стремление к паноптизму И. Бентама, ее трансформацию в новое самодержавие и классообразование, раздвоение общества на управленческую вертикаль с поддерживающими ее олигархами и все остальное население, включая оппозиционно настроенных олигархов. Это значит,

что институты с самого начала существуют как симулякры и задают формальные и не вызывающие доверия правила.

Персонификация в условиях России провоцирует субъективную *«дезориентацию»*, эту самую лишенную моральных оправданий свободу выбора при полном отсутствии устойчивых ориентиров, относящуюся прежде всего к институтам: институциональный произвол, рывковые смены курсов, отсутствие долгосрочных и устойчивых программ и планов созидания, абсурдные и циничные реформы сфер, напрямую касающихся населения: ЖКХ, пенсионных фондов, среднего и высшего образования, здравоохранения, мелкого и среднего предпринимательства и т.д., амбициозные и неоправданные космические, военные, спортивные программы. Так что уже и исчезает надежда, что эта дезориентация сменится когда-нибудь *«концентрацией»* воли в естественном, гуманитарном, а не абсурдном направлении.

На втором этапе межцивилизационной эпохи, на этапе «детей», дезориентация преобладает, а значит, доминируют моральный цинизм и гламур, а господствующей практикой становится не хозяйственная жизнь, а практика языковых игр. И тогда институты, вместо того чтобы способствовать укреплению общественного хозяйства, распространению среднего класса, модернизации производства, уходу от сырьевой зависимости, монополизируют СМИ и начинают убеждать население, что вопреки тому, что оно видит и чувствует на своем опыте, все хорошо, все правильно, мы – лучшие, хотя и окружены «врагами» со всех сторон. Институты распространяют «гламурный патриотизм» и «гуманитарную помощь», оборачивающиеся еще большей персонификацией внутри страны и в международных отношениях и теряющие свою гламурность только там, где реально стреляют.

Продолжающаяся деконструкция старой цивилизации, конечно, может быть проведена осторожно и поэтапно, как на том же Западе после II Мировой войны. Но это возможно, если в течение веков все субъекты приучены ценить человека, а не общество в целом с его институтами. Когда же главным субъектом считается институт, он в деконструкции доходит до предела и абсурда, до желания обойтись вообще без людей. Известный лозунг «Нет человека – нет проблемы» доводится до уровня «Нет населения – нет никаких проблем».

А при таких установках социальный хаос становится неизбежным. Распад тоталитарно-крепостной системы высвобождает субъектов вплоть до индивидов с их сознанием. Делегитимация власти фактически превращается в делегитимацию общества, взаимную подозрительность в межчеловеческих отношениях и оборачивается вторичной делегитимацией субъектов. В первую очередь регионы перестают доверять центру и друг другу, лишаясь средств к существованию, но вынужденные исполнять требования центральной власти за свой счет, они начинают строить свои вертикали и собственными политиками защищаться от центра. В обществе начинается федерализация вертикалей, то есть «неофеодальная» раздробленность.

Затем региональная вертикаль, будучи таким же симулякром, как и центр, подвергается эрозии со стороны населения. И начинается третичная делегитимация: население не доверяет региональной власти и друг другу. Площадка, на которой клубится хаос межцивилизационной эпохи, сохраняет единство только в силу массовой привычки видеть ее единой. Но чем дольше продолжается это состояние, тем больше с ним происходит то же, что с СНГ: она распадается на множество региональных площадок и на множество конкретно протекающих межцивилизационных эпох. Потом размываются и границы площадок, как это происходило в 1918–1919 гг. Все они сливаются в одно пространство хаоса, рассматриваемое более энергичными и целеустремленными соседями как «резервные территории», и межцивилизационная эпоха завершается полной ликвидацией недавно существовавшего здесь социально-территориального организма.

Другой, более оптимистичный вариант предполагает своевременное осознание центром приоритета именно индивидуальных субъектов и его уход от языковых игр, начало реальной диверсификации власти и институциональных реформ, нацеленных на предоставление права индивидам на хозяйственную и особенно творческую активность.

Выбор пути начинается на втором этапе межцивилизационной эпохи, то есть сегодня, когда нормы советской цивилизации уже почти полностью распались, и мы близки к положению американских пионеров в начале освоения Нового Света. И если этот выбор будет сделан правильно, у нас еще есть шанс.

* * *

Оптимистический выход из межвременья, не означающий окончательного краха цивилизации и ее растворения, возможен

только одним из двух способов: естественным и искусственным.

Естественный способ предполагает раскрепощение индивидуальной субъективности и институциональную реформу рыночного и демократического типа. Искусственный же требует рационального определения национального идеала, конструирование утопической цели, формирование под нее программы и мобилизации населения на ее выполнение. Это – тоже выход, только практика всех искусственных преобразований показывает, что цивилизация получается изначально обремененной нелегитимностью, быстро оборачивается симулякром и существует (по историческим меркам) недолго. В России еще живет несколько сотен человек, р*одившихся до Советской власти*, а значит, целая цивилизация прошла и прекратила существование при одной только их жизни.

1. Грей, Д. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности [Текст] / Д. Грей. М.: Праксис, 2003. 368 с.

2. Дюркгейм, Э. Самоубийство: Социологический этюд [Текст] / Э. Дюркгейм. М.: Мысль, 1994.

3. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций? [Текст] / С. Хантингтон // Полис. 1994. № 1. С. 33–48.

4. Мертон, Р. Социальная структура и аномия [Текст] / Р. Мертон // Социология преступности (Современные буржуазные теории) М.: Прогресс, 1966. С. 299–313.

5. Тоффлер, Э. Шок будущего [Текст] / Э. Тоффлер // М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 557 с.

6. Яркова, Е.Н. Постмодерн как культура межцивилизационной эпохи [Текст] / Е.Н. Яркова // Философия и культура. 2014. № 10 (82). С. 1495–1505.

References

1. Grei D. (2003) Pominki po Prosveshcheniiu: Politika i kultura na zakate sovremennosti. Moscow, Praksis, 368 p. [in Rus].

2. Diurkgeim E. (1994) Samoubiistvo: Sotciologicheskii etiud. Moscow, Mysl [in Rus].

3. Khantington S. (1994) Polis, no. 1, pp. 33–48 [in Rus].

4. Merton R. (1966) Sotcialnaia struktura i anomiia //Sotciologiia prestupnosti (Sovremennye burzhuaznye teorii) Moscow, Progress, pp. 299–313 [in Rus].

5. Toffler E. (2002) Shok budushchego. Moscow, OOO «Izdatelstvo ACT», 557 p. [in Rus].

6. Iarkova E.N. (2014) Filosofiia i kultura, no. 10 (82), pp. 1495–1505 [in Rus].

UDC 130.2

INTERCIVILIZATIONAL EPOCH: GENERATION OF CHOICE

Pavlov Aleksander Valentinovich,
Tyumen State University,
Institute of Philology and Journalism,
Department Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Tyumen, Russia.
E-mail: av-pavlov@mail.ru

Annotation
The article deals with diagnostics of up-to-date state of Russia. The subject is intercivilizational epoch. The method is polyfocal sociology of modernity.
The result is the analysis of prospects of civilizational choice.

Key concepts:
civilization,
intercivilizational epoch,
generation,
primary and secondary legitimacy,
deligitimization.